

СТІИ ЦА́РСТВЕННЫА МѢ́НЦЫ МОЛѢ́ТЕ БѢ́Я О НА́СЪ!

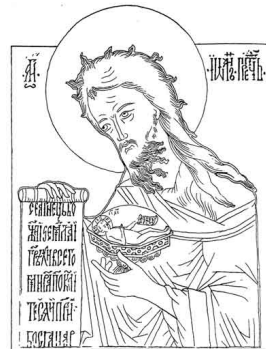
Приложение №1 к газете

ГЛАСЪ

ВОПНЮЩЕГО ВЪ ПУСТЫНѢ

Православная община
Святых Царственных
Мучеников Российских
г.г Рино - Спаркс, Невада
Газета печатается по благословению
Высокопреосвященнейшего КИРИЛЛА
Архиепископа Сан Францисского
и Западно-Американского

Выпуск №2(6), Февраль 2018 г.

В этом приложении к газете «Глас вопиющего в пустыне» мы публикуем материалы, требующие достаточно внимательного прочтения и последующего размышления над прочитанным. Мы затрагиваем вопросы церковной истории, экклезиологии (природы и свойства Православной Церкви), догматического и нравственного учения Церкви, литургические, антропологические, а так же вопросы экзегезы, патрологии и множество других. Мы понимаем, что многие тезисы в материалах могут быть не бесспорны или наоборот – окажутся поверхностными и потребуют более глубокого осмысления, поэтому мы приглашаем всех желающих к сотрудничеству. Вы можете прислать любой, предлагаемый к публикации, материал на электронный ящик нашего прихода.

Приложение является регулярным изданием и выпускается вместе с газетой православной общины Святых Царственных Мучеников Российских г.г. Рино-Спаркс, Невада.

Редакция газеты надеется, что материалы приложения будут интересны широкому кругу читателей.

***

До июля 2018 г., когда мы будем вспоминать мученическую кончину царственных страстотерпцев, на страницах этого приложения мы пробуем поразмышлять над причинами, которые превратили наш народ богоносец в народ, отвернувшийся от Бога и предавший Его помазанника.

***

Авва Силуан говорил: *Слушай мой сын, и не будь медленным ушами. Восстань, поскольку ты оставил своего ветхого человека, как орел. Бойся Бога в всех своих делах и прославляй Бога через доброе дело, зная, что всякий человек, который не угоден Богу, сын погибели. Он войдет в преисподнюю ада.*

Кризис духовной школы (1904 – 1917 гг.)

На портале «Богослов.RU» впервые опубликована глава¹ из первой отечественной книги по истории Русской Православной Церкви начала XX века «Очерки по истории Русской Православной Церкви новейшего периода»² митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова). Глава посвящена состоянию духовных школ в период между двумя русскими революциями. Публикация подготовлена Л.К. Александровой-Чуковой.

(Окончание).

Весьма энергично занялся преобразованием духовной школы назначенный 16 января 1906 г. председателем Учебного Комитета Святейшего Синода архиепископ Псковский Арсений. Под его председательством проходила и работа V отдела Предсоборного Присутствия.

Обсуждение реформы духовных учебных заведений было поставлено широко и принципиально. V отдел Предсоборного Присутствия занимался изучением постановки дела в духовных школах и в историческом, и в современном аспекте. Самые разнообразные сведения были запрошены специальным письмом от епархиальных архиереев. Были заслушаны доклады о школах католических, протестантских, о школах на Православном Востоке и в славянских странах, в Англии, в Германии, во Франции...

Очень много и подробно обсуждались программы, мельчайшие детали воспитания и так далее. Но в срок, назначенный для закрытия Предсоборного Присутствия, отдел не закончил своей работы, никаких проектов не выработал и, можно сказать, прервал свои занятия, не приняв никаких позитивных предложений.

На должности председателя Учебного Комитета архиепископ Арсений пробыл недолго, всего тринадцать месяцев. Но именно во время его руководства были сделаны некоторые преобразования. В виде временного правила было введено новое распределение учебных предметов по классам, введены новые предметы в семинариях и духовных училищах (см. «Церковные Ведомости», 1905, № 36 и № 40).

Одновременно разработаны были новые штаты и приняты меры для улучшения материального обеспечения педагогического персонала («Церковные Ведомости», 1906, № 39). Но так как последнее, то есть материальное обеспечение, зависело от ассигнований Государственного казначейства, то временное увеличение преподавательского жалования было

¹ <http://www.bogoslov.ru/text/print/5563130.html>

² Григорий Чуков, (митр.), Шаповалова А.А. Очерки по истории Русской Православной Церкви новейшего периода. Ленинград. 1954. Машинопись. Ч.1. Гл.12. С. 178 - 218. Архив Историко-богословского наследия митрополита Григория (Чукова) ©Л.К. Александрова. СПб. 2017.

отнесено за счет основного духовно-учебного капитала. Ассигнования же из Государственного казначейства надо было проводить через Государственную Думу.

Те изменения, намеченные сверху, которые были проведены в строе духовных учебных заведений, во многом совпадали с требованиями, выдвинутыми в «семинарских петициях». Семинарские петиции поступали в Святейший Синод почти из всех семинарий, являясь известным ультиматумом при прекращении занятий и объявлении забастовок.

Все присланные петиции по содержанию сходны и разнятся лишь в деталях. Мы полагаем, что это явилось результатом воззвания студентов Московской Духовной Академии, разосланного вместе с опросным листом в большинство семинарий. Опросный лист составлен был чрезвычайно обстоятельно. Ответы на него предполагалось в дальнейшем суммировать и обработать в виде петиции в Синод. Однако ответы на опросный лист пришли из немногих семинарий. В остальных затея эта породила соответствующие репрессии и увольнения. Но в первые же дни общего революционного подъема опросный лист студентов Московской Духовной Академии стал играть роль основного стержня для составления семинарских петиций.

Вот образец такой петиции: «Русское общество в настоящее время находится у преддверья крупных реформ. Эти реформы коснутся, надо думать, и церковной жизни. Необходимо, чтобы струя обновления проникла и в нашу среднюю школу. Необходимо, чтобы она стояла на высоте своего названия как рассадник пастырей, способных быть исправными руководителями и воспитателями современной паствы. Такому требованию она не удовлетворяет, об этом говорит бегство из семинарий лучших ее сил и крайне невысокий умственный и нравственный уровень общей массы духовенства, особенно сельского. Поэтому мы, питомцы духовной школы, в интересах пастырства в Церкви, требуем коренных реформ духовной школы».

Далее следовало перечисление конкретных требований:

- открыть в семинарии доступ всем сословиям,
- дать право семинаристам поступать во все высшие учебные заведения,
- создать общую десятиклассную духовную школу,
- расширить курс математики и физики,
- расширить курс литературы,
- увеличить курс философии за счет изучения новейших течений философской мысли,
- дать право в классе и вне его знакомиться с произведениями знаменитых писателей,
- уничтожить изучение греческого языка,
- сократить число латинского,
- ввести изучение новых языков – французского и немецкого,
- подробно изучать новейшую историю,
- ввести естествознание,
- ввести законоведение и общественные науки, медицину, гигиену, сельское хозяйство и т.д.

В отношении воспитания семинаристы требовали от начальства более гуманного отношения вообще, а в частности:

- уничтожения кондуитных записей,
- права защиты перед правлением лично или письменно,
- товарищеского суда,
- свободного отпуска в город (до 8 или 10 часов вечера),
- свободы собраний для обсуждения своих нужд,
- разрешения организовать кружки – литературный, исторический, философский,
- допустить в ученические библиотеки все книги, пропущенные цензурой,
- дать свободный доступ в фундаментальные библиотеки,

- иметь право издавать ученический журнал,
- разрешать свободно посещать суды, земские собрания, театры, концерты, публичные чтения и публичные библиотеки,
- обеспечить неприкосновенность ученической корреспонденции,
- разрешить необязательно жить в общежитии.

Некоторые петиции настаивали на уничтожении баллов и разрядов, на применении выборных начал при назначении ректора и инспектора и разрешении семинарских дел советом преподавателей.

Как мы уже говорили, часть этих требований была удовлетворена изданием временных правил, которые, к слову сказать, внесли большую путаницу в управление семинариями, в основном потому, что, принятые наспех, они не обеспечивали соответствующими средствами и кадрами намеченные преобразования.

С наступлением реакции, как везде и всюду, в семинариях старались возвратиться к прежним порядкам. Но за годы революции ряды семинаристов основательно поредели. В семинарии не вернулись многие – те, кто нашел свое призвание на другом поприще, и те, кого репрессировали.

Нельзя обойти молчанием и тот факт, что атеизм охватывал все большие и большие общественные слои, в том числе и духовное сословие. В газетах того времени часто встречаются сообщения о снятии сана тем или иным священнослужителем.

При создавшемся положении Святейший Синод вынужден был принять соответствующие определения, облегчающие возвращение в семинарии уволенным за нежелание приступить к занятиям. И кроме того – открыть несловным почти свободный доступ в семинарии.

Примерно такой же, хотя и более сложный процесс происходил и в духовных академиях. Воспользуемся словами архиепископа Псковского Арсения, чтобы наиболее точно охарактеризовать создавшуюся в академиях обстановку: «В течение прошлого столетия духовные академии пережили три реформы – в 1814, 1869 и 1884 годах. Первую реформу, собственно говоря, едва ли можно назвать реформой, так как в 1814 г. академий в настоящем их виде не было. Существовала академия Киево-Могилянская, которая в сущности была учреждением общеобразовательным для защиты истин православной веры от нападения католичества.

Устав 1814 года объединял общее образование со специальным богословским.

В основе этого устава лежала, имея примирения веры и знания, та самая идея, которая была в основе и древней Александрийской школы. Академия предлагала единый целостный курс, где все направлялось к богословскому знанию, вместе с тем она отличалась многопредметностью, малодоступной для учащихся. Отсюда возникла потребность в сокращении академического курса, что и было достигнуто в некоторой степени реформой 1869 г. Тогда академические науки были разделены на обязательные и специальные, которые распределялись по трем отделениям – богословскому, историческому и практическому.

Недостатком нового устава было то, что некоторые богословские предметы он относил к специальным отделениям, и, таким образом, из академий выходили студенты, не изучившие всего цикла богословских наук. Этот недостаток был устранен уставом академий 1884 года, который все богословские предметы (кроме истории раскола и истории западных исповеданий) сделал обязательными, а светские науки распределил по двум группам – словесной и исторической. Но с устранением одного недостатка явился другой – прежняя многопредметность, которая, однако, не делала студентов более образованными. Кроме того, устав 1884 года, отменял специальное назначение IV курса в академиях, сравнив его с другими курсами и тем самым, несомненно, понизил подготовку студентов к практической деятельности».

Архиепископ Арсений предложил членам V отдела Предсоборного Присутствия: «Ввиду недостатков нынешних академий нам предстоит провести четвертую по счету реформу их. Для

этого нам нужно выяснить точно, что такое духовная академия и чему она должна служить: одному ли высшему богословскому образованию, или вместе с тем и подготовке преподавателей для средней духовной школы; соответственно этому надо определить затем учебный план академий, их административный строй и отношение к церковной власти» (Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия. Т. IV. СПб, стр. 46).

Собственно, иной цели, как «доставить высшее богословское образование в духе православия для просвещенного служения Церкви на пастырском, духовно-учебном и других поприщах деятельности», как это было записано в § 1 Устава и 1869, и 1884 годов, у духовных академий и быть не могло.

Однако фактически дело обстояло несколько по-иному. Духовные академии выпускали молодых людей с ученой степенью кандидата богословия или со званием действительного студента, с правом на чин известного класса и на государственную службу – преимущественно в ведомстве православного исповедания, но также и в других ведомствах, где не требовалось определенной специальной подготовки.

Окончание духовной академии было хорошей рекомендацией благонадежности и нравственности, и, хотя кандидаты богословия считались ближайшими кандидатами на должности священников и преподавателей семинарий, епархиальных женских училищ и духовных мужских училищ, выпускников духовных академий охотно принимали в другие ведомства: министерство финансов, государственный контроль, акциз, министерство внутренних дел и так далее.

Чтобы сохранить кадры, выражаясь языком современности, Святейший Синод принимал ряд ограничительных мер, прежде всего, неоднократно и настоятельно указывал, чтобы при избрании воспитанников семинарий и академий:

а) обращали, согласно особым постановлениям высшего духовного начальства, самое строгое внимание на благонадежность избираемых, как по способностям, успехам в учении и благонравии, так и по состоянию здоровья и склонности их к продолжению духовного образования;

б) на основании указа Святейшего Синода от 19 марта 1871 г. за № 14, обязывали избранных при самом отправлении подписками по прибытии на место не отказываться от вступления в академию, а по окончании академического курса – от вступления в духовно-училищную службу;

в) высылали, по предписанному в указе Синода порядку, таковые подписки вместе с другими, требуемые документами избранных воспитанников непосредственно в академический совет, не допуская ни в коем случае передачи таковых документов в Совет Академии через самих воспитанников («Журнал Совета МДА» от 14 июня 1884 г.).

Устав 1884 г. строжайше предписывал студентам жить в академических общежитиях. По § 113 даже «своекоштные» студенты допускались в академии только в качестве пансионеров и жили в зданиях академии, подчиняясь всем правилам, установленным для казеннокоштных студентов; число их определялось вместимостью академических зданий. В виде крайнего исключения своекоштным студентам вне здания академии разрешалось жить только у родителей.

На первый взгляд, такая строгость по отношению к молодым людям, перешагнувшим уже возраст совершеннолетия, может вызывать лишь недоумение. Но эта мера была применяема в целях значительно более глубоких, чем может показаться с первого взгляда. В академиях был введен режим, сходный с монастырским. А вступление в монашество поощрялось как шаг достойный людей, истинно преданных Церкви.

С течением времени начали применяться все более и более решительные меры морального и административного порядка к тому, чтобы склонить студентов духовных академий принять постриг.

Если, например, Святейший Синод в 1879 году давал право Советам духовных академий «разрешать в исключительных случаях, по особо уважительным причинам, вступление студентов в брак до окончания учебного курса», то после введения устава 1884 года Синод предписывал митрополитам Санкт-Петербургскому, Киевскому, Московскому и архиепископу Казанскому «предложить советам духовных академий, чтобы они ни под каким предлогом не дозволяли студентам в продолжении курса учения вступать в брак, а тех из них, кои не пожелают сему подчиниться, увольняли бы из академии со взысканием денег по расчету за казенное в ней содержание» («Журнал Совета МДА» от 8 августа 1885 г.).

В 1886 году на запрос МДА, можно ли принимать в число студентов женатых лиц, Святейший Синод определил: «Разъяснить Совету МДА, что принятие женатых лиц в число студентов академии не может быть допускаемо в виду требований § 113 Устава духовных академий и разъяснительного к нему вышеприведенного Синодального постановления» («Журнал Совета МДА» от 28 января 1887 г.).

Из этих постановлений отчетливо видно административное поощрение безбрачия. А поскольку монашествующим студентам представлялась в дальнейшем блестящая карьера и быстрый подъем по иерархической лестнице, появились охотники не столько по призванию, сколько из соображений корысти принимать постриг. У рядовой массы студентов академии такие лица стали вызывать всё растущую неприязнь. Самый подвиг монашества, административно поощряемый, потерял известную долю уважения к нему.

Яркую характеристику создавшегося положения дал профессор Н.Н. Глубоковский: «В духовных учебных заведениях началась „педагогическая монахомания“. Тут уж прямо вся важность была не в человеке, а в куске материи известного цвета. Главные начальственные и административные должности заполнялись молодыми чернецами, получившими самый невероятный ход, – точно они были воплощением педагогической мудрости и образцовых добродетелей.

Эти радужные перспективы окрылили академических посредственностей светлыми надеждами на легкую поправку своей ученой отсталости, и – вопреки прежним временам – позднее в монахи пошли совсем не лучшие студенты. Со стороны, „от внешних“, тоже кинулись всякие неудачники, которые сразу „авансом“ заявляли, что чрез академическое монашество желают устроить свою духовную карьеру – от смотрительства к ректорству и затем к архиерейству, достигавшемуся иногда чуть не в тридцать лет...

Были, конечно, люди искренние и идейные, но не грех сказать, что они относились к разряду исключений и двигались служебно едва ли не медленнее своих коллег иного склада и других упований. Во всяком случае, все монахи-начальники, попавшие на ответственные посты прямо со школьной скамьи, не имели для сего ни опыта, ни знаний, ни такта, а ранг, диспозиция и инструкция обязывали их держаться „славно и грозно“, им открывался простор к просторному и бесконтрольному хозяйничанью казенными кредитами на свои личные нужды или причудливые капризы...» (По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде. - СПб: Синодальная типография, 1907, стр. 103).

«Доминирующий тон был таков, что академическое студенчество ценило монашество как подвиг и относилось к нему отрицательно, когда оно становилось промыслом» (Н.Н. Глубоковский. С.-Петербургская Духовная Академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы. Стремски Карловцы, 1936, стр. 94).

«Развивается глухой антагонизм, – писал тот же Н.Н. Глубоковский, – и, по подобию цирковых партий разлагавшейся Византии, образовались в духовной школе столь вредные оппозиционные течения „рясофоров“ и „фрачников“ или „сюртучников“, нередко питавших непримиримое взаимное недоброжелательство» (По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде. - СПб: Синодальная типография, 1907, стр. 100).

С другой стороны, в целях сохранения студентов для духовной деятельности Синод всячески усиливал контроль над научными интересами студентов и профессоров. Академикам запрещались целые группы исследований. Практическая деятельность расценивалась более высоко, чем ученые исследования. Именно этим и характерен Устав 1884 года, точнее сказать, практическое его применение и многочисленные синодальные комментарии к нему. В результате ученые силы академии стали сосредотачиваться почти исключительно на разработке вопросов исторических, археологических и философских. Богословия предпочитали не затрагивать – исследования в этой области могли привести к большим неприятностям и конфликтам с высшей церковной и административной властью.

Те же богословские работы, над которыми потрудились немногие академики в этот период, представляют «такую убийственную схоластику, что по справедливости должны считаться виновными в том презрении, каким в нашем обществе пользуется русское богословие» (П. Тихомиров. О духовных академиях. «Духовная школа», стр. 320).

Но задачи и цели академии оставались прежними, да и не могли не оставаться – православные духовные академики должны были быть рассадниками и поборниками православия. Конфликт, порожденный этими противоречиями, назрел и выразился в ряде забастовок.

Вот две характеристики происходивших в академиях «беспорядков». Одна из них принадлежит профессору В.Ф. Певницкому, одному из авторов устава 1884 г. «В последние годы печальные и тревожные обстоятельства омрачили и расстроили прежде мирную и спокойную жизнь академий – разные забастовки, бойкоты, непризнание начальства, неповиновение его распоряжениям и тому подобное. Но эти печальные обстоятельства вытекали не из устава, а вопреки уставу, в прямое нравственное нарушение его. Злокачественные влияния, испортившие академическую атмосферу, проникли в академии извне.

Эпидемическая зараза, свирепствующая теперь повсюду в нашем отечестве и во всех учебных заведениях, отравила нашу учащуюся молодежь, а мы не сумели и не смогли, а может быть, некоторые и не хотели предохранить ее от этой заразы, а иные из нас и сами не были свободны от этой заразы...» Едва ли стоит комментировать высказывания профессора Певницкого. Несомненно, прав он в одном: что «обстоятельства вытекали не из устава».

Другая характеристика принадлежит человеку противоположных взглядов, называвшему духовные академии «бастилиями духа». Это выражение скоро стало крылатым. Принадлежало оно профессору МДА П. Тихомирову. «Теперь, наконец, академии забастовали, – писал он. – Студенты всех академий решительно заявили, что не приступят к занятиям, пока академикам не будет дана автономия. Профессорские коллеги, сами еще раньше начавшие готовить такое ходатайство, всецело поддержали студенческое требование. Настойчиво в течение столетия проводившаяся система стала, наконец, ненавистна всем, к кому применялась. И учащие, и учащиеся стали чувствовать себя в тисках этой системы, как узники в темнице («Духовная школа», стр. 320).

Единодушие преподавательского состава и учащихся заставило серьезно задуматься наиболее реакционных представителей «высшей духовной власти» и показало, насколько неотложно нужна была реформа духовных академий.

В ноябре 1906 года Святейший Синод созвал совещание ректоров духовных академий. Присутствовавшие на этом совещании архиепископ Финляндский Сергей и архиепископ Псковский Арсений – оба, по отзывам современников, одни из самых лучших ректоров эпохи 1884 – 1905 гг., – оба решительно заявили: «Контроль над научной и учебной деятельностью академий практически неосуществим, совершенно не нужен в той форме, в какой думали его иметь доселе, а только компрометирует самые контролирующие органы» («Духовная школа», стр. 331).

Результатом этого и других совещаний явились «временные правила», составленные с учетом требований большинства академических профессоров и студентов. Однако в определении Синода этим правилам предпосылается следующее замечание: «применять в академической жизни в виде временных мер, до созыва Собора, в зависимости от хода дел в духовных академиях».

«Временные правила», наряду с незначительными изменениями академических программ, предоставляли академическим корпорациям право избирать ректора и инспектора с последующим утверждением их в этих должностях Святейшим Синодом. Кроме того, академическому Совету предоставлено было окончательное утверждение в ученых академических степенях и самостоятельное, в пределах, установленных законом, разрешение учебных и воспитательных вопросов («Церковный Вестник». 1905. №4, стр.58-59).

Так же, как в семинарии, доступ в духовные академии был значительно расширен, и Советам духовных Академий разрешалось «допустить окончивших курс учения в духовных семинариях по первому разряду и имеющих одобрительные отзывы от епархиального начальства семейных священнослужителей к приемным испытаниям для поступления в число студентов академии на одинаковых с прочими поступающими основаниях» (Определение Святейшего Синода от 16-21 июня 1906 г.).

Впоследствии «временные правила» практически почти не применялись. Так, например, выборы ректора и инспектора в академиях затруднялись тем, что их можно было производить только по освобождении выборных должностей лицами, занимавшими их по назначению Синода. А эти должности никто не собирался освобождать. Или, например, при наличии вакантной кафедры, когда на нее выдвигался кандидат, известный своими учеными заслугами, но одновременно пользовавшийся репутацией «свободомыслящего», то против его избрания столь решительно и энергично выступало начальство, что такой кандидат иногда и сам вынужден был отказаться от возможности занять кафедру.

В отношении свободного доступа в академии также ставились препятствия. Нежелательным лицам отказ в приеме всегда можно было мотивировать недостатком мест в общежитиях. Что же касается занятий в академиях женатых священников, то почти ежегодно Синод давал разные толкования этому разрешению, все более и более ограничивая его. Наконец, в 1909 году в Санкт-Петербургскую Академию вообще был запрещен доступ женатым священникам с формулировкой, что «число таковых в С. Петербургской академии достигало уже 74, из коих 59 состоят студентами и 15 значатся вольнослушателями, что почти все они, помещаясь вне академии на вольнонаемных квартирах и обремененные заботами о содержании своем с женами и детьми, занимаются для заработка средств требоисполнениями в С.-Петербурге и в других местах столичной епархии» («Церковные Ведомости». 1909. № 24, стр. 252).

Позднее и в другие академии, главным образом в Киевскую и Казанскую, женатым лицам, если они удовлетворяли требованиям Устава (§ 141, 144), можно было поступить «с особого каждый раз разрешения Святейшего Синода».

Либеральный журнал «Век» в обзорной статье «Автономия духовных академий» так характеризовал «послереформенное положение»: «В чем же дело, где причины бесплодности движения, печальных его результатов? За год борьбы они достаточно выяснились. Неорганизованные академии встретились с начальствующим монашеским епископатом, державшимся очень сплоченно, – это первая причина. Наступившая политическая реакция – вторая» («Век», 1906, № 2, с. 21).

Но была и органическая причина, порождавшая стремление производить возможно меньшие изменения во внутреннем распорядке духовных заведений и, наоборот, по возможности, консервировать в них более строгий дух.

Рассказывая о поисках реформы духовных академий, необходимо остановиться на одном событии того времени, весьма характерном для общественных настроений, которое хотя и

произошло вне церковных сфер, придало особенно громкий резонанс вопросу о высшем богословском образовании.

В январе 1906 года работавшая над составлением нового университетского устава комиссия профессоров постановила упразднить богословие в университетах и вместо него ввести в курс филологических факультетов кафедру истории религий. Проект, выработанный съездом университетских профессоров, стал образцом для других высших учебных заведений. Обсуждение этого мероприятия привлекло интерес общественности, и на страницах газет и журналов появились статьи, не только одобряющие, но и осуждающие эту реформу. Последние, конечно, принадлежали преимущественно церковникам.

Совершенно своеобразную позицию занял в этом вопросе профессор богословия Киевского университета св. Владимира, протоиерей П. Светлов, в то время пользовавшийся популярностью. В статье «Проект упразднения богословия в университетах» («Новое время», 1905, № 10774) он писал, что, поскольку упразднение кафедры богословия мотивировалось принципом свободы совести, провозглашенным Указом от 17 апреля и Манифестом 17 октября, то «явное нарушение принципа свободы совести, под предлогом которого упразднялось богословие, подчеркивается проектом учреждения кафедры реформаторского богословия с одновременным упразднением кафедры православного богословия, давно существующей в университетах». Более того, писал он далее, «новым проектом устава всюду на факультетах число кафедр увеличивается в полтора, вдвое и даже втрое более прежнего; как, например, на богословском факультете Юрьевского университета число штатных кафедр богословия утраивается (вместо четырех – двенадцать). И это одновременно с тем, как упраздняется везде кафедра православного богословия!»

Доказывая, что богословие содействует выработке мировоззрения, что является, по его мнению, «конечной целью университетского образования» в смысле формирования человеческой личности, профессор Светлов заканчивал свою статью следующим предложением: «Или сохранить существующую в университетах кафедру православного богословия <...>, или немедленно открыть в университетах богословские факультеты».

С такой постановкой вопроса о богословском образовании Православная Церковь согласиться не могла, потому что, наряду с созданием богословских факультетов при университетах, профессор Светлов предлагал упразднить духовные академии. Свое предложение он мотивировал тем, что зло Церкви – кастовый, сословный характер духовного образования. «Зло заключается в том, – писал он в статье «О реформе духовного образования в России», – что религиозное образование стало у нас синонимом духовного образования, то есть, право религиозного образования превращается в сословную привилегию» («Церковный Вестник», 1906, № 5, стр. 134).

Предложение профессора Светлова об упразднении духовных академий в Предсоборном Присутствии было встречено как абсолютно неприемлемое. Хотя во избежание недоразумений необходимо сказать, что среди православного духовенства и особенно профессуры точка зрения профессора Светлова находила весьма активных сторонников. Были такие и среди членов Предсоборного Присутствия. Но едва только в процессе обсуждения вырисовалось ясно все, что явилось бы результатом упразднения духовных академий, как раздались самые горячие возгласы в защиту духовных академий из среды даже тех, кто соглашался со Светловым.

Доказательства в защиту сохранения академий велись примерно следующим образом: «Вы указываете, что наши академии страдают двойственностью своей задачи, а разные университеты не отличаются той же двойственностью? Это общий недостаток. Разве медицина изучается не для практической цели – подготовки медиков, а юриспруденция, а философия и пр.»; «Высших учебных заведений, не преследующих практических целей, нет. И государство вправе требовать, чтобы высшая школа давала образованных людей для практической деятельности»; «Вы упрекаете академию в том, что она служит интересам Церкви; но неужели мы должны оставаться

равнодушными, когда отрицаются догматы, положенные в основу самого существования Церкви? Церковь должна иметь учреждение в защиту своих истин и целей. И академия в данном случае не заслуживает никакого упрека» (Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия, Т.IV, стр. 49).

После таких доводов вопрос о сохранении академий был решен при баллотировке положительно абсолютным большинством. При особом мнении остался только профессор Светлов.

Учебный Комитет Святейшего Синода еще длительное время продолжал заниматься созданием проекта реформы духовных учебных заведений, в том числе и академий. Но также, как созыв Поместного Собора, реформа эта постепенно откладывалась на будущее. А так как она в значительной степени была связана с государственными ассигнованиями, то могла быть разрешена по новому конституционному закону только в Государственной Думе.

.....
Наш адрес: HOLY ROYAL MARTYRS OF RUSSIA ORTHODOX CHURCH
1020 Pyramid Way Sparks, NV 89431

Настоятель: Преосвященнейший Феодосий, Еп. Сиятлийский

Справки по телефону: 1/775/ 525 0023

E-mail: churchreno@gmail.com

<http://www.russianrenorthodox.com>